

Пусть это был всего лишь сон, но после пробуждения каждое его мгновение стояло перед глазами так отчетливо, словно всё произошло наяву. Уснуть Лу Байюй больше не смог.

В висках противно, изматываяще пульсировало. Он поднялся, принял ледяной душ и только под холодными струями воды окончательно пришел в себя, нащупав зыбкую грань между ночным кошмаром и реальностью.

За окном монотонно шумел дождь. Все мысли Байюя сейчас занимал Цзян Тинчжоу — в памяти всплывали разные его образы, один за другим.

Сегодня он собирался сказать Тинчжоу так много, но подходящего момента так и не представилось.

Он хотел признаться, что дело не только в секретаре Сун. Он и сам вел себя паршиво, заставив подчиненных поверить, будто Тинчжоу для него ничего не значит, и тем самым развязав им руки. Теперь у него новый помощник, и подобного свинства он больше не допустит. Хотелось объяснить, как глупо он поступал, привыкнув к безотказности Тинчжоу. Тот никогда ничего не просил и не жаловался, а Байюй принимал это как должное, эгоистично отмахиваясь от его чувств ради бесконечной работы.

Их отношения приходилось скрывать. Секретарь Сун обо всем догадывалась, но помалкивала из страха. В этом союзе Тинчжоу всегда оставался ущемленным, но безропотно молчал, не желая ставить любимого в неловкое положение, а Байюй без зазрения совести этим пользовался. Даже когда Тинчжоу съехал, Байюй поначалу не увидел в этом катастрофы. Он преспокойно занимался делами бизнеса, решив, что улаживание личной жизни подождет несколько дней. Но стоило вмешаться Лу Цзяхэ, как ситуация окончательно зашла в тупик и стала выглядеть просто уродливо.

Винить во всем одну лишь Сун было малодушием. Главная ответственность лежала на нем самом — именно Лу Байюй во всем виноват. Вот только Тинчжоу больше не желал слушать его запоздалые оправдания.

Вернувшись сегодня из тихого дворика ни с чем, Байюй впервые осознал горькую истину: за всё это время он ни разу всерьез не задумывался об их отношениях.

Раньше в этом просто не было нужды. Тинчжоу полюбил его так давно и безоговорочно, что Байюю оставалось лишь благосклонно принимать это чувство, не утруждая себя лишними размышлениями. Но этой ночью воспоминания хлынули лавиной, заставляя заново переосмыслить последние несколько лет.

Связи между семьями Лу и Цзян всегда оставались тонкими и двусмысленными. Когда маленький Тинчжоу пропал, председатель Лу Чжэньтин посчитал, что сполна искупил вину своей семьи перед Цзянами, щедро осыпав их деловыми уступками и контрактами. С его высоты этого было более чем достаточно. Вот только до самого Тинчжоу из этих щедрот не дошло ни гроша.

Байюй помнил снимки, сделанные сразу после того, как подростка наконец отыскали: застиранное до дыр тряпье, глубокие шрамы на лице, убогие трущобы вокруг. К тому же выяснилось, что его приемный отец за полгода до этого скончался — спился, из-за чего обострились старые болячки.

Совсем еще ребенку пришлось выживать в одиночку. Если бы не местный общественный комитет и волонтеры, вовремя заметившие сироту, если бы они не оплатили учебу — ведь работать по закону он еще не мог — и не собрали по копейке небольшое пособие на еду, Тинчжоу бы просто не выжил. Домашний изнеженный ребенок погиб бы в таких условиях в первые же недели, но Тинчжоу слишком рано привык рассчитывать только на себя.

Пройти мимо этого человека Лу Байюй просто не мог.

С шестнадцати лет по воле отца он курировал благотворительные проекты — это было обязательной статьей расходов Логистической группы Лу. Он повидал немало людей, оказавшихся на самом дне жизни, но именно то старое фото Тинчжоу врезалось ему в душу. Взгляд мальчишки, открытый и прямой, невозможно было забыть.

Снимок сделали у мясной лавки на грязном рынке. Даже через объектив камеры казалось, что чувствуешь этот удушливый, липкий запах сырого мяса и запекшейся крови, заливавшей дощатый пол. И посреди этого убожества стоял парень с удивительно чистыми, глубокими черными глазами. Этот взгляд манил к себе, не позволяя отвести взор.

В те два года, когда Тинчжоу учился в старших классах, Байюй грыз гранит науки за границей. Лично они почти не общались. Движимый чувством долга, Байюй просто хотел компенсировать парню перенесенные страдания: распорядился, чтобы управляющий регулярно отправлял ему всё необходимое, и лично договорился с руководством частной школы.

Однако самого Байюя рядом не было, зато в Китае оставался его младший брат Лу Цзяхэ. К несчастью, тот сразу невзлюбил Тинчжоу. Живой и заносчивый второй молодой господин Лу имел куда больше влияния на повседневную жизнь школы, чем далекие указания старшего брата. К тому же в то время Байюй еще не был официально признан преемником Логистической группы Лу, и его распоряжения из-за океана не имели того веса, какой они приобрели сейчас.

Не имея возможности следить за жизнью Тинчжоу лично, Байюй наивно полагал, что в закрытом частном пансионе с жесткой дисциплиной ничего страшного произойти не может. Мерзкую историю с кражей денег в баскетбольной команде он считал досадным недоразумением. Тогда он вмешался вовремя, заставив Цзяхэ извиниться, а дома взял с него клятву, что подобное не повторится. После этого Байюй велел дворецкому пристальнее следить за делами Тинчжоу и отправлять ему еще больше подарков.

Вскоре отчеты стали радовать: дела Тинчжоу пошли на лад, он завел друзей, а после нескольких совместных баскетбольных матчей даже их натянутые отношения с Цзяхэ, казалось, потеплели. Байюй надеялся, что со временем они и вовсе забудут прежние обиды.

Но когда случилась та дикая история с Ли Шуянь, закончившаяся для Тинчжоу изолятором временного содержания, всё полетело в тартарары. Такого удара Байюй предугадать не мог.

Впрочем, для Лу Байюя это были легко решаемые проблемы. За годы благотворительности он наловчился щелчком пальцев вытаскивать людей из любых передряг. Он планировал сделать то же самое и для Тинчжоу: протянуть руку помощи, перевести в другую школу. Если бы тот захотел уехать за границу — Байюй без колебаний спонсировал бы строительство нового учебного корпуса в любом зарубежном университете, лишь бы Тинчжоу зачислили на курс. Но Тинчжоу оказался не таким, как все.

«Я всё решил, больше я таких ошибок не допущу, — прямо глядя ему в глаза, твердо сказал тогда Тинчжоу. — Я поднимусь сам. У меня свой путь».

И наотрез отказавшись от помощи, ушел учиться на повара. Сколько Байюй ни пытался его отговорить, всё было тщетно.

Примерно тогда же сам Байюй официально вошел в состав директоров семейной корпорации. Он взялся за несколько крупных инвестиционных проектов и провел их блестяще, заставив даже сурового отца, председателя Лу Чжэньтина, признать его деловую хватку. Спустя два года ни у кого в деловых кругах не осталось сомнений: Лу Байюй — полноправный и единственный преемник Логистической группы Лу. На него обрушилась лавина лести и восхищения. Блестящее происхождение, выдающиеся способности — в его мире подобные восторги были привычным фоном. Но у Тинчжоу всё складывалось иначе.

Путь ремесленника — это удел одиночек. Здесь нет места овациям публики, есть лишь изнурительный, монотонный труд изо дня в день. Однако Байюй знал: Тинчжоу на своем поприще добился успехов, ничуть не уступающих его собственным. С семнадцати до девятнадцати лет он перенимал секреты мастерства у сурового Великого мастера Ван Тяня. Требования там были драконовскими: даже самым одаренным ученикам требовалось минимум шесть лет, чтобы заслужить признание наставника. Тинчжоу же справился всего за два года. Его безупречная базовая техника владения ножом и поразительное кулинарное чутье позволяли ему схватывать любые тонкости традиционной кухни буквально на лету.

В девятнадцать лет он вернулся состоявшимся шеф-поваром. Годы суровой школы изменили не только его навыки, но и характер — он научился мягкости, стал более гибким в общении, но чистота его взгляда осталась прежней. И теперь уже Байюй смотрел на него с искренним уважением.

Пусть Тинчжоу и презирал семейство Цзян, глупо было отрицать, что ресторанная империя «Императорский пир» — идеальная стартовая площадка для амбициозного шефа. В стране не так много элитных сетей традиционной китайской кухни с вековой историей и безупречной репутацией. К тому же Тинчжоу был единственным законным сыном в семье, и его право унаследовать это дело после возвращения казалось неоспоримым. С какой стати он должен был без боя уступать семейное наследие какому-то Цзян Ю?

Байюй рвался к вершине власти в своей корпорации, Тинчжоу — в своей. Разумеется, масштабы Логистической группы Лу и Пищевой компании Цзян были несопоставимы. В глазах обывателей даже гениальный кулинар уровня шефа правительственных банкетов не мог идти ни в какое сравнение с главой транснациональной корпорации из списка Fortune Global 500. Но Байюй, находившийся рядом с Тинчжоу, смотрел на вещи иначе. По крайней мере, со временем его высокомерие бесследно испарилось.

Он прекрасно понимал: дай Тинчжоу немного времени, и тот не просто останется шеф-поваром у плиты, а построит собственную великую империю.

Покупая апартаменты в элитном комплексе «Сияющая звезда», Байюй поначалу лишь хотел обеспечить Тинчжоу комфортное жилье поближе к работе. Но потом поймал себя на мысли, что и сам проводит там всё больше времени. Отрицать очевидное стало бессмысленно: ему просто безумно нравилось быть рядом с ним.

Когда внимание Байюя полностью сосредоточилось на Тинчжоу, он быстро разгадал его секрет. Собственно говоря, о чувствах парня он догадывался еще несколько лет назад. Они проводили вместе слишком много времени, а скрывать влюбленность при столь тесном общении — задача непосильная. Байюй не был дураком и всё прекрасно видел, но не торопился раскрывать карты. В тот период он еще не разобрался в собственных желаниях и не знал, готов ли связать себя серьезными отношениями, а потому предпочитал хранить молчание.

Лишь теперь, оглядываясь назад, он понимал: то, что он не оттолкнул Тинчжоу сразу, как поступал со всеми прочими навязчивыми поклонниками, а, напротив, шаг за шагом впускал его в свою жизнь, говорило само за себя. Месяцами он молча наблюдал за чужой нежностью, видел, как восторженный блеск в глазах Тинчжоу становится всё очевиднее, и до мельчайших нюансов читал его мысли.

День признания не стал для него сюрпризом — Байюй сам срежиссировал эту сцену от начала и до конца. В вечер, когда Тинчжоу праздновал очередную кулинарную победу, алкоголь для торжества Байюй выбирал лично. Он привез особый сладкий аперитив — мягкий, невероятно питкий напиток, коварство которого заключалось в том, что высокий градус маскировался фруктовым вкусом. Байюй отлично знал, что Тинчжоу хмелеет быстро, хоть и пытается казаться стойким.

Гостиная в «Сияющей звезде» тоже была подготовлена безупречно: приглушенный, интимный свет, изысканный аромат дорогого парфюма в воздухе, негромкая, обволакивающая музыка. Байюю даже не пришлось утруждать себя деталями — по одному его слову помощники создали идеальные декорации для соблазнения.

Ему самому оставалось лишь стоять на месте и ждать, когда разомлевший от вина Тинчжоу сделает первый шаг навстречу. Всё случилось ровно так, как планировал Байюй: в нужный момент прозвучали долгожданные слова, и желанный человек наконец оказался в его руках.

Он был уверен, что эта сказка продлится вечно. Но не прошло и полутора месяцев, как Тинчжоу собрал вещи и исчез.

По сути, их роман начался задолго до официального признания. Последний год перед тем, как они сошлись, прошел в тягучем, сладком флирте. Они фактически жили под одной крышей — в апартаменты «Сияющей звезды» Байюй приезжал куда охотнее и чаще, чем в собственный родительский особняк. Статус любовников стал лишь формальностью, сорвавшей последнюю преграду. В остальном же их будни не изменились, если не считать того, что они стали делить одну постель.

Когда Тинчжоу попал в больницу, Байюй, разумеется, не на шутку перепугался. Едва узнав о беде, он тут же отправил доверенных людей разузнать о его самочувствии. Понимая, что Тинчжоу уже находится под присмотром лучших врачей и его личному присутствию ничто не поможет, Байюй решил, что загладит вину позже, когда тот поправится. Кто же знал, что по возвращении его будет ждать совершенно другой человек.

Поначалу Байюй надеялся, что это обычная любовная размолвка, и по привычке недооценил масштаб катастрофы. Теперь-то он понимал: Тинчжоу ушел не ради того, чтобы потрепать ему нервы. Но и отступаться Байюй не собирался. Первые несколько дней после его ухода тянулись сносно — в конце концов, они и раньше не виделись круглосуточно. Однако с каждой новой неделей тишина в пустой квартире становилась всё невыносимее. Байюй внезапно осознал, что разучился жить один.

"Их расставание может быть вызвано какими угодно сложными причинами, но Тинчжоу всё еще любит меня, — упрямо твердил себе Лу Байюй, пытаясь унять нарастающую в груди тревогу. — Он не мог в один миг перечеркнуть то, что зрело годами. А значит, я обязательно найду способ вернуть его. Из любой ситуации есть выход"

Для самого же Цзян Тинчжоу прошедшая неделя выдалась на редкость безмятежной.

Проснувшись утром, он увидел, что небо снова очистилось от туч. Лишь влажный блеск на асфальте да редкие лужи напоминали о вчерашнем ливне. Выспался он великолепно. Воздух после грозы казался удивительно чистым и прохладным, так что чаепитие во дворе у тётушки Дэн принесло ему ни с чем не сравнимое удовольствие. На столе, к слову, красовались не только традиционные слоеные булочки-субин — каждый из заглянувших на огонек соседей прихватил с собой какое-нибудь домашнее лакомство.

Тинчжоу не остался в долгу: из домашней курицы, которой его щедро снабдил мастер Чжу, он приготовил нежнейшую курицу с зеленым луком и ароматным маслом. Его фирменная курица произвела настоящий фурор.

Соседи шумно обсуждали последние деревенские новости, делились нехитрыми житейскими историями, и за этой непринужденной беседой Тинчжоу постепенно сблизился со всеми.

Время от времени он ловил себя на мыслях о совете тётушки Дэн найти себе постоянное дело, но, кроме неспешного обустройства собственного сада, в голову ничего дельного не приходило.

В пятницу вечером из города вернулся Ань Сяопин. Едва переступив порог, он так и застыл с открытым ртом: журнальный столик буквально ломился от спелых фруктов. Тинчжоу отродясь не покупал столько еды в один присест — явно угостили щедрые соседи. Заглянув на кухню, Сяопин обнаружил названного брата за готовкой: тот что-то негромко напевал себе под нос.

"А у брата-то настроение просто класс!" — с улыбкой подумал Сяопин.

Он без церемоний утащил из вазы хрустящий огурчик и, с аппетитом захрустев им, принялся делиться своими новостями.

— Братец, у меня тут такие новости — закачаешься! Ни за что не угадаешь! — радостно вещал Сяопин. — Твой совет открыть интернет-магазин выстрелил на все сто. Торговля идет просто бешено!

Оказалось, Сяопин смонтировал и выложил новый влог, посвященный выпечке со Старого хлебозавода Юнцина. Некоторые тамошние кексы и галеты отличались долгим сроком хранения и прекрасно переносили транспортировку. Пользуясь случаем, предприимчивый парень оставил ссылку на свой магазинчик в закрепленном комментарии под видео. Вдобавок он выставил на продажу знаменитые сладости с Сахарного завода Юнцина, о которых рассказывал в прошлых выпусках. Зрители могли заказать готовые сладкие наборы из обзоров или собрать ассорти по своему вкусу, чтобы лично оценить юнцинские лакомства.

— Мы с ребятами поначалу не рассчитывали на золотые горы, — уплетая огурец, рассказывал Сяопин. — Надеялись наскрести хотя бы по паре тысяч юаней на карманные расходы и сомневались, что это вообще кого-то заинтересует. Но заказы посыпались один за другим, у нас весь склад подчистую вымели! Мои соседи по общежитию теперь все выходные проведут без продыху, упаковывая посылки. А я вот приехал разузнать, не появилось ли на сахарном и хлебозаводе каких-нибудь новинок для будущих обзоров. Надо ковать железо, пока горячо!

Тинчжоу искренне порадовался за парня и тепло похвалил его старания. От этих слов Сяопин так и засиял от гордости, задрал нос. Тинчжоу взял его телефон, пролистал страницу магазина, и в его душе мгновенно проснулся неискоренимый профессиональный азарт. Раз уж дело пошло в гору, глупо останавливаться на достигнутом — нужно расширять масштабы и выжимать из этой ниши максимум. Опыта в продвижении брендов у Тинчжоу было с избытком: одного беглого взгляда на ассортимент хватило, чтобы в его голове созрел готовый, безупречный бизнес-план.